

## Церковность или идеология?

[Петр \(Мещеринов\), игум.](#)

1. О. Александр Шмеман в "Дневниках" так определяет идеологию: *"Идеология - это христианство, оторвавшееся от Христа, и потому она возникла и царствует именно в "христианском мире" (С. 192).* Имеет ли современная идеология религиозные корни? Должны ли христиане взять на себя ответственность за идеологические метаморфозы христианства?
2. Каким должен быть язык общения Церкви с миром, чтобы он не был языком идеологии?

### I.

Я бы некоторым образом переформулировал первый вопрос: *не имеют ли некоторые стороны современной церковной жизни в себе идеологии больше, чем подлинного церковного смысла?* Для ответа на этот вопрос я позволю себе немного расширить угол зрения, и сказать вначале несколько слов о состоянии современной культуры. Очень точно, на мой взгляд, это состояние оценила О.А.Седакова в интервью газете "Культура" (N 4 за 2008 год). Вот некоторые выдержки из этого интервью:

"...Леви-Стросс, сумевший описать сложный мир архаической культуры, "совсем другой" в сравнении с нашей, думал о человеческом мире в первую очередь как о мире смыслов, знаков, символов, значений. Этим и занимаются гуманитарные науки: человеком в его отношении к смыслам, антропологией в широком смысле слова. Об этом современная цивилизация как будто не думает, она слишком многое забыла о человеке. Человек-производитель, человек-потребитель, человек в биологическом и социальном отношении - вот на что направлено внимание "прогресса". Человека все лучше лечат, продлевают жизнь и молодость, развлекают, занимают трудом, облегчают усилия. Вот и всё. А кто этот человек, и хорошо ли ему при всех успехах техники, социальности и невероятной свободе всяческих выборов, и хорошо ли для него такое существование или от него еще что-то ожидается? Идея неудержимого технического завоевания окружающей среды (да уже и человеческой данности: геновая инженерия), которая сейчас правит всем, никогда не обсуждалась с гуманитарной точки зрения. Не обсуждалась и та плата, которой человек расплачивается за свой новый комфорт. Мы теперь не прилагаем и малой части физических усилий, которые были необходимы совсем недавно, но наш слух, наше зрение, все наше восприятие подвергается такой агрессии, которой тоже совсем недавно человек не знал. Восприятие не может от этого не искажаться и не слабеть. А для жизни в смыслах, человеческой жизни необходимо тонкое и развитое восприятие. Это только

одна черта "негуманитарности" цивилизации: как легко она жертвует психикой ради, так сказать, физики человека. Одностороннее технократическое и утилитарное развитие грозит и человеку как виду, и всей природе".

"В самих гуманитарных науках теперь очень немного остается гуманитарного, то есть касающегося существа человека как *homo sapiens*. Они явно технизируются. Они описывают материю своих предметов (лингвист - "материальное тело" языка, музыковед - музыки и т.п.), не ставя вопроса об их осмысленности. Больше того, вопросы такого рода считаются "ненаучными"... Мышление сегодняшних гуманитариев заставляет вспомнить позитивистов XIX века с их прямолинейностью... От гуманитарных наук теперь осталось только две: социология и психология. Всё рассматривается исключительно в социологическом или психологическом плане. Открываешь работу о Шекспире, а там очередное социологическое исследование, например, или гендерные отношения. Или психоанализ: поиски комплексов Шекспира. Я помню кошмар советской истории искусств или литературы, когда все переводилось на язык классовой борьбы. Но перевод на язык Фрейда или рыночных стратегий и гендерных исследований ничуть не богаче".

Из этих слов Ольги Александровны усматривается основная проблема сегодняшнего культурного пространства. **Культура перестала производить гуманитарные смыслы** - то есть такие, которые отображают глубину, уникальность и интимность человеческой личности, её отношения с Богом, с миром, с самой собою, с другими людьми. На смену этому приходят утилитарность, массовость, техногенность, усреднённость. Эти качества являются следствием (а может быть, и причиной) *цивилизации посредственности* (этой теме также была посвящена известная лекция О.А.Седаковой). Посредственность же всегда нуждается в идеологии. Отдельный человек имеет веру, убеждения, нравы, мнения, вкусы. Если они причастны гуманитарным смыслам, это делает человека настоящей, достойной личностью, имеющей в силу своей вот этой самой развитой личности некую "прививку", иммунитет от идеологии. Если же гуманитарные смыслы отсутствуют, личность превращается в посредственность, и образующуюся пустоту заполняет идеология, как прямое производное посредственности в сочетании со стадностью.

\* \* \*

Основой же, фундаментом гуманитарных смыслов является Евангелие Христово. Именно оно провозгласило самоценность и достоинство богоподобной личности, приобщающейся Самому Христу и уподобляющейся Ему. Церкви, как осуществлению Евангелия, помимо своего прямого

духовного религиозного действованиа, как раз и свойственно производить гуманитарные смыслы - она это и делала в прошлом, воспитывая и смягчая нравы, оплодотворяя и созидая европейскую (и российскую, как часть её) цивилизацию и культуру.

Но, как мне уже приходилось говорить, сегодня (а точнее - уже довольно давно) не общество иерархически зависит от Церкви, воспринимая и усваивая её духовные и культурные импульсы, - но, увы, Церковь зависит от общества, от господствующего в нём духа, от парадигм всех сторон его существования. В силу этого Церковь, вслед за всею сегодняшнею жизнью, "выпадает" из пространства подлинной евангельской культуры и перестаёт производить гуманитарные смыслы. Современная культура Церкви в этих условиях вынуждена занимать "оборонительную позицию", которая, в свою очередь, с некоторою неизбежностью сводится к этнографической реконструкции прошлого как самоцели. Именно это очень переживал и об этом много писал о. Александр.

Следствием такого положения вещей является *номинализм* - то, что вызывало у о. Александра прямо-таки гнев. Что он такое (в социальном и культурном контексте восприятия Церкви)?

Люди видят, что нашей наличной приходской жизни нередко свойственны ровно те же немощи, что и социуму, а именно - меркантилизм, отсутствие общественного интереса, бескультурье и обскурантизм, нравственная релятивизация - нетерпимость, непорядочность и проч. Какова наша, так сказать, "внутрицерковная реакция" на эту критику? В какие бы слова эта реакция не облачалась, сводится она к двум вещам: 1) хоть мы и грешные и немощные, но Церковь сама по себе свята и непорочна, 2) а то, что люди этого не видят и не ощущают - их вина.

Действительно, богословски рассуждая - наши грехи не умаляют святость Церкви. Но с точки зрения социальной - церковной действительности прямо касаются слова св. апостола Иакова: **как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва** (Иак. 2, 26). Апостолы настаивают на том, чтобы вера наша выявлялась делами (Иак. 2, 18), **действовала любовью** (Гал. 5, 6). Христиане призваны к тому, чтобы сокровище их веры, пусть несовершенно, пусть немощно, но тем не менее *выявлялось* в жизни и было видно людьми: **так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф. 5, 16). У нас же получается так: спрятавшись за удобное учение о том, что, независимо от того, что мы грешны, Церковь всё равно свята - мы аннулируем нравственную и культурную энергию, и направляем наши жизненные силы на то, чтобы

хорошо устроиться в мире сем, в результате чего мы несколько и не отличаемся от падшего социума, проникаясь его началами. Получается, что сокровище Церкви у нас *хранится*, но в жизни (в жизни не частного христианина, а именно общецерковной) *не реализуется*. Это и есть номинализм - то есть, в данном контексте: самоценность идеи, отрыв идей от их воплощения. Православная Церковь *содержит* полноту истины, но она *не раскрывается* в нашей жизни.

По сути, этот номинализм приводит к трём вещам: 1) учению о невидимой Церкви, которое мы осуждаем у протестантов (понятно, о чём речь: видимая церковь - такая же, как социум, а все богословские определения о святости и проч. относятся к такой Церкви, какую никто не видит, и видеть не должен, ибо это будет "прелестью"); 2) практической констатации того факта, что мы, составляя Церковь, на деле мало ей причастны, ибо наша церковность реализуется не в её сути, то есть не в богообщении, а во внешних вещах; и 3) оправдание этого положения, то есть - аберрация нравственной адекватности. Мы не возмущаемся этим, а успокаиваем себя, что "мы - люди грешные".

Но ровно это есть и *идеология* - оторванность идей от реальности, "оторванность христианства от Христа" и Его заповедей, касающихся не только глубин личной духовной жизни, но и социального, и культурного делания. Жизнь многих православных людей, к сожалению, сегодня определяется именно идеологией - не только номинализмом, который, будучи глубинным корнем подмены веры идеологией, не осознаётся в качестве таковой. Но и прямо идеологией того или иного рода: идеологией св. отцов, Типикона, Святой Руси, "духовности", Афона, Византии, этнографии, и проч., о чём всё время говорил в своих "Дневниках" о. Александр.

Кстати, одно из культурных проявлений этого - то, что Православие стало Религией Лексикки. Главное - правильно, благоуветливо *говорить*. Нарушение принятой на сегодня церковной субкультурой лексикки воспринимается как прямое покушение на устои Православия<sup>1</sup>. Но так как Церковь, как я уже сказал, уже довольно давно не определяет культурные процессы, а подчиняется им, в церковную жизнь со всей силой вторгается постмодернистская реальность: *за этой лексикой ровно ничего не стоит*. Елейно и очень правильно говорим, живём, как все. В этих условиях слова, и

---

<sup>1</sup> Пример - поднятое некоторыми "ревнителями" сегодня самое настоящее гонение на группы самопомощи "Анонимные Алкоголики", с которыми Церковь, по благословению Священноначалия, плодотворно сотрудничает уже много лет.

следовательно, весь пласт смыслов, к которому эти слова отсылают, неизбежно превращаются в идеологию.

В свете вышесказанного излишне говорить, ответственны ли христиане за такое положение вещей. Безусловно, ответственны, и каждый лично, и все вместе соборно. ***От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут*** (Лк. 12, 48), - говорит по этому поводу Евангелие. А дано нам максимально много - Церковь Христова.

## II.

Теперь кратко - ответ на второй вопрос. Язык общения Церкви с миром должен быть *не лексикой*, какой бы то ни было. Лексика, как я только что сказал, превратилась у нас в идеологию и отождествилась с ней. Язык общения сегодня должен быть только смысловым, реальным. Это значит, что то, что *говорит* Церковь (я имею здесь в виду социально-культурную сторону жизни церковного организма, и не касаюсь собственно духовного содержания Церкви как единения личности со Христом в Теле Его), она непременно должна подтверждать очевидными *делами*; иными словами говоря - чтобы адекватно говорить с миром, Церкви нужно быть самой собою, не идеологично, но евангельски созидавая свою внутреннюю жизнь. Если же, в силу понятных исторических причин, церковная действительность не аккумулировала ещё пока сил для осуществления полноценной внутрицерковной деятельности, не являет в лице большинства своих членов образцов нравственной жизни - ей, на мой взгляд, не следует торопиться с претензиями, обличениями и требованиями в адрес общества.

Но что для этого нужно? Мне приходилось уже говорить и писать об этом. Всякое церковное действие начинается с сердца человека. Противостоять идеологии можно только лично. Становление христианской и подлинно культурной личности - вот единственный путь решения названных проблем. Когда церковный организм будет складываться из "критической массы" таких личностей, то Церковь непременно найдёт и адекватный способ общения с обществом, и вновь сможет производить те "гуманитарные смыслы", которые столь необходимы сегодня, и отсутствие которых и является питательной средой для порождения всякого рода идеологий.